

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.5.19>

Богомолов Алексей Владимирович

АПОФАТИЧЕСКАЯ ПРОЕКЦИЯ УЧЕНИЙ О МАТЕРИИ В ФИЛОСОФИИ ПЛАТОНА, АРИСТОТЕЛЯ И ПЛОТИНА

Статья обращена к проблеме истоков апофатической теологии Плотина. Обосновывается положение о том, что к числу таких оснований можно отнести учения о материи Платона, Аристотеля и самого Плотина. В онтологии Платона материя наделяется негативными характеристиками и считается практически небытием. В философии Аристотеля апофатический контекст материи формулируется посредством понятия небытия. Понимание материи в философии Плотина базируется на учении Платона. Однако апофатическая дескрипция Единого во многом схожа с пониманием небытия в философии Аристотеля.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2019/5/19.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 5. С. 91-94. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2019/5/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 1(091)

Дата поступления рукописи: 24.02.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.5.19>

Статья обращена к проблеме истоков апофатической теологии Плотина. Обосновывается положение о том, что к числу таких оснований можно отнести учения о материи Платона, Аристотеля и самого Плотина. В онтологии Платона материя наделяется негативными характеристиками и считается практически небытием. В философии Аристотеля апофатический контекст материи формулируется посредством понятия небытия. Понимание материи в философии Плотина базируется на учении Платона. Однако апофатическая дескрипция Единого во многом схожа с пониманием небытия в философии Аристотеля.

Ключевые слова и фразы: Плотин; небытие; материя; Единое; апофатическая теология.

Богомолв Алексей Владимирович, к. филос. н.

Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина (Мининский университет)

ensestens@mininuniver.ru

АПОФАТИЧЕСКАЯ ПРОЕКЦИЯ УЧЕНИЙ О МАТЕРИИ В ФИЛОСОФИИ ПЛАТОНА, АРИСТОТЕЛЯ И ПЛОТИНА

Проблематика негативности – одна из актуальных тем, затрагивающая различные аспекты философского знания. Поскольку специфика проблемы напрямую связана с категорией небытия, то вполне объяснимы интенции к экспликации ее онтологических контекстов. Но анализ онтологии негативности необходимо предполагает обращение к иным аспектам [15], и в этой связи большое значение имеет обращение к проблеме небытия в истории мысли.

Исток проблематики небытия в западной традиции – греческая философия [19]. И, начиная с элеатов, «тяжба о небытии» [14] наличествует в западноевропейской философии. Заметим, в современных исследованиях, посвященных негативности, уделяется значительное внимание историко-философским реконструкциям учений о небытии в рамках философских школ или отдельных персоналий [6; 16]. Но не менее важным представляется анализ имплицитного присутствия негативности в истории греческой мысли. Частный случай этой проблемы – апофатический контекст представлений о материи.

Учения о материи в истории греческой мысли изучены более чем основательно, и вместе с тем **актуальность** данной проблематики не вызывает сомнений [20]. В рамках настоящей статьи мы обращаемся к вопросу о значении представлений о материи в контексте становления греческой апофатической традиции. В центре внимания – учения Платона, Аристотеля и Плотина. В данном случае выбор обусловлен следующими аргументами. Ключевым аспектом неоплатонизма и значимой частью греческого апофазиса в целом является учение Плотина о Едином, которое имеет своим основанием философию Платона и в особенности – диалог «Парменид». Но «Парменид» с содержащимися в нем гипотезами, как представляется, отнюдь не единственный источник формирования генологии Плотина [4]. Кроме того, апофатические суждения – главный принцип дескрипции Единого. В научной литературе это обстоятельство часто трактуется как «ничтожность» Единого, т.е. как указание на Его несуществование. Более того, если брать во внимание иерархию Плотина, то «внизу» находится как раз материя, которая также понимается как ничто. Следовательно, возможен вывод о совпадении противоположных полюсов – Единого и материи, и, как следствие, дедуцируется даже вывод о двух видах небытия в философии Плотина [17, с. 678]. Отсюда и возникает гипотеза о том, что учение Платона о материи является одной из историко-философских предпосылок формирования генологии Плотина. Что же касается Аристотеля, то здесь выбор обусловлен тем, что философия Стагирита, с одной стороны, во многом является развитием идей афинского мудреца. Это касается и рецепции принципа взаимосвязи материи и небытия. Кроме того, Аристотель формулирует самостоятельную, оригинальную концепцию небытия, в которой учение о материи является важным элементом.

Таким образом, **цель** настоящей статьи – анализ диалектики представлений о материи в учениях Платона, Аристотеля и Плотина в контексте формирования греческой апофатической традиции, значимой частью которой является учение неоплатоников о Едином. Соответственно, положение о том, что одним из оснований апофатической теологии Плотина являются учения о материи Платона, Аристотеля и самого Плотина, обладает **новизной**.

Проблема небытия в философии Платона не раз становилась предметом исследования [2, с. 73-110; 13]. Часто экспликация содержания представлений философа о небытии строится на анализе диалектики «пяти высших родов», представленной в «Софисте». Небытие трактуется как идея иного, которая имеет важнейшее значение, по меньшей мере, в двух отношениях. Во-первых, она необходима для объяснения положения о том, что каждая из идей является собой и никакой иной из множества других идей. Во-вторых, для обоснования существования лжи. Однако к проблематике небытия можно отнести и представления Платона о материи. И здесь, разумеется, особое значение имеет диалог «Тимей».

В идеалистической по своей сути системе Платона не только находится место для материи, но ей отводится важная роль. Кроме того, в «Тимее» Платон наделяет ее такими характеристиками, как «матеря и восприимчива» [7, с. 492]. Без материи, или хоры, в онтологии Платона невозможно существование чувственно

данных вещей. Представляется оправданным предположение, что материя, хора, вводится Платоном в известном смысле вынужденно – иного объяснения чувственно данного, изменчивого мира афинский мудрец не предполагает. Но не менее очевидно, что, несмотря на некие лингвистические эпитеты, которыми наделяется хора [3, с. 102], Платон стремится к де-онтологизации хоры, что и позволяет говорить о негативной, апофатической ипостаси учения о материи.

Во фрагменте 52 а и в диалога «Тимей» то, что в платоноведении традиционно называется материей, определяется как некое пространство, которое «воспринимается вне ощущения, посредством некоего незаконного умозаключения, и поверить в него почти невозможно» [7, с. 493]. Обращает на себя внимание формулировка (в переводе С. С. Аверинцева), указывающая на то, что материя воспринимается посредством «незаконного умозаключения». Схожие характеристики приводятся во фрагменте 51 в, согласно которому материя – это «незримый, бесформенный и всевосприимлющий вид, чрезвычайно странным путем участвующий в мыслимом и до крайности неуловимый» [Там же, с. 492]. Итак, материя не только существует, но и неким «странным» образом участвует в мыслимом и является результатом «незаконного умозаключения». Здесь обратимся к вопросу о познаваемости хоры. Если онтологический контекст учения о материи в философии Платона в главном вопросе – о ее существовании – в целом очевиден, ибо материя существует, то эпистемология хоры лишена даже такой ясности.

В самом деле, обращает на себя внимание положение о присутствии в мыслимом материи. Надлежит ли это понимать как указание на то, что материя все-таки имманентна мышлению? Под имманентностью в данном случае мы понимаем не трактовку материи в контексте солипсизма, а то, что хора, существуя объективно, является интенциональным объектом. В этом отношении можно согласиться, что материя имманентна мышлению. В самом деле, нельзя утверждать, что нечто существует или не существует, не мысля это нечто. И, конечно, Платон уже не повторяет ошибки Парменида, который постулировал небытие небытия, отрицая при этом возможность мыслить небытие. Пусть материя и «неуловима» и мыслится исключительно как некое незаконное умозаключение, но ведущееся в том же «Тимее» рассуждение обуславливает положительный гносеологический статус материи. Однако то, что хора является интенциональным объектом, не означает, что она непременно познаваема, ибо в идеалистической системе Платона материя онтологически, действительно, «почти что небытие» [17, с. 336]. К тому же материя понимается как некий «третий вид», следовательно, «она равно уклоняется от всех оппозиций» [5, с. 28]. Иными словами, материя – нечто отличное – и от мира вечных идей, и от мира становления. В контексте поставленной в рамках настоящей статьи проблемы это положение можно интерпретировать как указание на отличие хоры и от бытия, и от небытия.

Таким образом, в философии Платона материя существует как нечто онтологически близкое к небытию, при этом самим небытием хора не является. Кроме того, материя мыслится, существует в качестве предмета мысли.

Понимание диалектики материи и небытия в онтологии Платона во многом схоже с концепцией Аристотеля [18]. Однако в контексте рассматриваемой нами проблемы с необходимостью прослеживается и ряд важных отличий. Согласно Аристотелю, «о не-сущем в различных случаях говорится в стольких же значениях, сколько имеется категорий, а помимо этого может быть речь о не-сущем в смысле ложного и о не-сущем как о сущем в возможности» [1, с. 355]. Кратко отметим, что по отношению к категориям небытие существует как отрицание. О ложных суждениях, согласно Аристотелю, следует говорить в случае несоответствия сказываемого в суждении действительности. Но поскольку суждение, которое не соответствует действительности, либо высказано, либо помыслено, оно в определенном отношении существует. Но, так как оно не соответствует действительности, не отображает действительное положение дел, то оно есть небытие. Впрочем, направленность нашего исследования предполагает более детальное рассмотрение существования небытия как возможности, ибо возможность находится во взаимосвязи, как с небытием, так и с материей.

Итак, возможность – одна из трех ипостасей, в которых существует небытие. Следовательно, небытие необходимо для объяснения возникновения: человек, к примеру, возникает «из того, что [еще] не есть человек, но есть человек в возможности, и бледное – из того, что [еще] не бледно, но есть бледное в возможности» [Там же]. Далее, Аристотелем приводится важное уточнение: «...сущее же в возможности может и стать, и не стать действительным» [Там же]. Иными словами, возникновение, изменение возможны, но не являются необходимыми. Но поскольку они – данность чувственного воспринимаемого мира, то необходимо условие и возникновения, и изменения. И это условие – наличие возможности. Поскольку возможность не есть действительность, то возможность и есть один из трех смыслов, в котором существует небытие.

Далее, чтобы нечто возникло, разумеется, одного небытия-возможности недостаточно. В седьмой главе VII книги «Метафизики» находим: «...все, что возникает, возникает вследствие чего-то, из чего-то и становится чем-то» [Там же, с. 197]. И то, из чего все возникает, – это материя. При этом можно отметить наличие в онтологии Стагирита двух видов материи. Во-первых, первоматерия, являющая собой неопределенное, бесформенное вещество. А вторая материя – это непосредственно то, из чего возникает некоторое нечто, т.е. глиняная посуда и кирпич возникают из глины, статуя – из мрамора и т.д. Из сказанного, однако, следует, что сама материя небытием являться не может, ибо она существует. Но материя не существует и в качестве конкретной отдельной вещи. В онтологии Аристотеля это означает, что материя не является первой сущностью. Но любая вещь являет собою единство материи и формы. Следовательно, возможность – это потенциальное обретение материей формы [2, с. 140].

Таким образом, в философии Аристотеля материя интегрирована в структуру учения о небытии. При этом важно, что сама материя не является небытием. Взаимосвязь материи и небытия обусловлена наличием

возможности материи обрести форму. Именно возможность ввиду своей противоположности действительности и есть один из трех смыслов, в котором существует небытие.

Теперь надлежит обратиться к проблематике негативности в учении Плотина, которая, как было отмечено выше, явлена в двух противоположных полюсах иерархии – генологии и учении о материи.

В текстах «Эннеад» наличествуют указания на взаимосвязь противоположностей – Единого и материи: «...если противоположности познаются одним и тем же, благу же противоположно зло, тогда знание блага будет так же и знанием зла, так что необходимо должны ясно различать благо те, кто собирается познать множество зол, поскольку лучшее предшествует худшему и лучшее есть эйдос, зло же – нет, но оно скорее есть лишенность [как таковая]» [9, с. 270]. Здесь надлежит внести некоторые уточнения. Во-первых, в приведенном фрагменте из трактата «О том, откуда множество зол и что они суть» зло и лишенность понимаются как одно и в конечном счете имеют своим основанием материю и, можно предполагать, отождествляются с нею. Во-вторых, говорится, что лучшее – это не Единое, а эйдос, соответственно, лишенность противопоставляется не Единому, а эйдосу. Кроме того, в переводах трактатов «Эннеад» Благо как одно из значений и смыслов Единого традиционно передается именно как «Благо», а в данном фрагменте мы читаем: «благо». И разница в данном случае чрезвычайно важна, а различие семантики анализируемых понятий существенно и объясняется следующим образом: «...не должно называть это Единое даже Благом, т.е. благом, которое Он дает, но – Благом, существующим иным образом, Благом сверх иных благ» [11, с. 308]. Однако обратимся к другому переводу: «...если кто хочет выяснить, что есть зло, тот прежде должен составить себе ясное представление о том, что есть Благо, тем более что лучшее всегда предшествует худшему, и по мере удаления бытия от Блага, оно все более и более приближается к небытию» [12, с. 25]. И контекст данного перевода позволяет предполагать взаимосвязь Единого и материи как противоположностей. И тогда для того, чтобы познать Единое, необходимо каким-то образом и познать лишенность – материю.

Вместе с тем вопрос о познаваемости Единого в философии Плотина также не имеет однозначного решения. Скорее, можно согласиться с тем, что Единое непознаваемо. Впрочем, непознаваемо Оно в традиционном гносеологическом понимании, ибо предполагается некое мистическое единение с Единым. Но, если принять положение, что Единое и материя – это две взаимосвязанные противоположности, то и материя непознаваема, ибо она лишенность. Следовательно, эпистемологический контекст диалектики Единого и материи совпадает. Безусловно, ничего подобного нельзя сказать о нравственном аспекте: Единое – это Благо, материя – зло.

Далее, акцентируем внимание на онтологическом статусе материи. Надлежит ли признать ее несуществующей, т.е. небытием? Иерархия Плотина, и об этом было сказано выше, предполагает нисхождение от Единого. И, поскольку материя находится «внизу» этой иерархии, то возникает предположение, что она является тем, чего не достигает божественный свет. Иными словами, проблема в следующем: есть ли материя что-то или она – ничто. Мы склонны согласиться с точкой зрения, что материя являет собою некоторое нечто: «...материя бескачественна только в том смысле, что сама по себе она чужда всех тех качеств, которые может она усвоить себе как воспринимающая основа, а не в том смысле, что она не имеет никакой природы» [10, с. 43]. Материя, таким образом, есть, хотя, как и у Платона, близка к небытию.

Кроме того, важным аспектом является указание на существование двух видов материи: помимо чувственно данной есть еще и умная материя, которая понимается как «вместилище эйдосов» [8, с. 185]. Безусловно, в «Эннеадах» много говорится о различиях двух видов материи. Отметим лишь, что в контексте исследуемой нами проблемы примечателен сам факт того, что материя существует не только «внизу» иерархии, но и в Уме, т.е. второй по значимости ступени. В этом можно видеть ре-онтологизацию негативного в системе Плотина. Впрочем, сохраняет ли умная материя черты негативного? В этой связи интересен следующий фрагмент: «Божественная материя, принимая границу, сама уже есть определенная жизнь и разумное, и эта же материя становится еще чем-то определенным; сама по себе не будучи ни живой, ни разумной, она – разукрашенный труп. И ее форма есть только эйдол, так что она есть подлежащее призрака» [Там же, с. 190]. Следовательно, несмотря на иной статус умной материи, она по-прежнему содержит значимый элемент негативного.

Таким образом, мы рассмотрели диалектику материи и небытия в онтологии Платона, Аристотеля и Плотина. Несмотря на то, что хора – важный элемент общей теории Платона, именно ввиду идеалистических оснований платоновской системы трактовка материи имеет выраженный негативный контекст. Вместе с тем материя не отождествляется с небытием, т.е. она «есть» в онтологическом смысле. Поскольку материя наделяется негативными характеристиками и при этом существует, то данный, «платоновский», этап диалектики материи и небытия можно интерпретировать как онтологию негативности: нечто, имеющее негативные характеристики, существует, и, кроме того, это нечто мыслится.

Далее, в философии Аристотеля мы находим развитие представлений об онтологии и эпистемологии негативности. Во-первых, учение о материи является важной, но именно частью общей концепции небытия. Во-вторых, под небытием понимается не сама материя, а возможность. Это, безусловно, важнейший момент, ибо материя признается существующей, а возможность надлежит понимать как результат абстрагирования негативного от материи как таковой. Следовательно, в-третьих, негативность мыслима и уже совсем не как некое «незаконное умозаключение». В самом деле, небытие существует не онтологически, а как абстракция негативных признаков материи, т.е. «небытие» становится понятием, существующим номинально. Иными словами, предикат «есть» субъекта «небытие» имеет исключительно эпистемологическое значение.

Понимание Плотинином материи часто трактуется как «ученическая вариация» теории Платона. Во многом с этим можно согласиться. Однако нам в контексте исследуемой проблемы ситуация представляется иной.

Озвученная трактовка справедлива, когда речь идет о материи, находящейся на нижней ступени иерархии. Важным моментом является наличие в теории Плотина т.н. умной материи. Эта материя сохраняет признаки негативности, но, очевидно, ее статус меняется. Негативное находит свое существование в сфере Ума, т.е. небытие приближено к Единому. Но, поскольку основные характеристики Единого как раз апофатические, то следует сказать, что небытие присутствует и в Едином. Только речь, разумеется, не о материи, а как раз об эпистемологическом значении небытия, которое сформулировано в философии Стагирита.

Итак, важным элементом в становлении греческого апофазиса являются учения о материи. В концепции Платона материя онтологически приближена к небытию, но таковым не является. В учении Аристотеля негативные характеристики материи абстрагированы до понятия небытия. В философии Плотина учение о материи, с одной стороны, строится на концепции Платона. С другой – существование умной материи говорит о наличии в иерархии восхождения негативного к первоначалу. Апофатический контекст генологии, а по сути – теологии Плотина, позволяет предполагать совпадение небытия и Единого. Это совпадение не надлежит трактовать как их единство, поскольку Единое – просто. Иными словами, трактовка небытия, введенная Аристотелем, находит выражение и в генологии Плотина: трансцендентность Единого абсолютна, близка к несуществованию, но в определенном отношении – в качестве трансцендентной реальности Оно существует.

Список источников

1. **Аристотель.** Метафизика // Аристотель. Собрание сочинений: в 4-х т. М.: Мысль, 1976. Т. 1. С. 63-367.
2. **Богомолов А. В.** Диалектическое решение проблемы небытия в истории древнегреческой философии (досократический и классический этап): дисс. ... к. филос. н. Н. Новгород, 2014. 161 с.
3. **Бородай Т. Ю.** Рождение философского понятия. Бог и материя в диалогах Платона. М.: Изд. Савин С. А., 2008. 284 с.
4. **Брейе Э.** «Парменид» Платона и негативная теология Плотина // Брейе Э. Философия Плотина. СПб.: Владимир Даль, 2012. С. 304-309.
5. **Дробышев В. Н.** Апофатическая рациональность и ее трансформация в современной западной философии: дисс. ... д. филос. н. СПб., 2016. 338 с.
6. **Онтология негативности:** сборник научных трудов / отв. ред. Е. Г. Драгалина-Черная. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2015. 376 с.
7. **Платон.** Диалоги. Книга вторая. М.: Эксмо, 2008. 1360 с.
8. **Плотин.** Вторая эннеада. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2004. 384 с.
9. **Плотин.** Первая эннеада. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2004. 320 с.
10. **Плотин.** Сочинения. Плотин в русских переводах. СПб. – М.: Алетейя; Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 1995. 672 с.
11. **Плотин.** Шестая эннеада. Трактаты VI-IX. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2005. 416 с.
12. **Плотин.** Эннеады. К.: УЦИММ-ПРЕСС, 1995. 394 с.
13. **Протопопов И. А.** Идея небытия в диалектике. От Платона к Гегелю // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2013. Т. 14. № 3. С. 178-183.
14. **Рохмистров В. Г.** Тяжба о небытии: реплика // Платоновские исследования. 2015. Т. 1. № 2. С. 287-298.
15. **Саймидинов А. К., Кучинов Е. В.** Роль апофатического богословия в творчестве Юджина Такера [Электронный ресурс] // Вестник Мининского университета. 2016. № 4. URL: <https://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/315/316> (дата обращения: 23.02.2019).
16. **Солодухо Н. М.** Философия небытия. Казань: Изд-во КГТУ, 2002. 146 с.
17. **Чанышев А. Н.** Философия Древнего мира. М.: Высш. шк., 1999. 703 с.
18. **Cohen S.** Aristotle's Doctrine of the Material Substrate // Aristotle Substance, Form and Matter. Classical Philosophy: collected papers. N. Y. – L.: Garland Publishing, Inc., 1995. Vol. 6. P. 95-118.
19. **Hadot P.** Apophatisme et théologie négative // Hadot P. Exercices spirituels et philosophie antique. P.: Études augustiniennes, 1987. P. 185-193.
20. **Lawler J.** Matter and Spirit: The Battle of Metaphysics in Modern Western Philosophy before Kant. N. Y.: University of Rochester Press, 2006. 584 p.

АПОФАТИЧЕСКАЯ ПРОЕКЦИЯ ДОКТРИН О МАТЕРИИ В ФИЛОСОФИИ ПЛАТОНА, АРИСТОТЕЛЯ И ПЛОТИНА

Bogomolov Aleksei Vladimirovich, Ph. D. in Philosophy
Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University
ensestems@mininuniver.ru

The article addresses the problem of the origins of Plotinus's apophatic theology. It substantiates the proposition that teachings on matter of Plato, Aristotle and Plotinus himself can be considered as such grounds. In Plato's ontology, matter is endowed with negative characteristics and is considered practically non-existence. In Aristotle's philosophy, apophatic context of matter is formulated by means of the notion of non-existence. Understanding of matter in Plotinus's philosophy is based on Plato's teaching. However, apophatic description of the One is similar in many ways to understanding of non-existence in Aristotle's philosophy.

Key words and phrases: Plotinus; non-existence; matter; the One; apophatic theology.